

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. В. БОРОДИЧ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОВЕРШЕННОГО
И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о происхождении славянских глагольных видов, несмотря на обширную литературу, до сих пор не выяснен до конца и продолжает вызывать споры. Со времени Г. Курциуса, открывшего в основах индоевропейского глагола видовые отношения¹, внимание лингвистов обращено к проблеме славянского глагольного вида, причем в ряде работ представлена попытка доказать, что славянский вид — прямое наследие индоевропейского глагола. Такой точки зрения придерживался, например, Ф. Миклошич, по мнению которого видовые колебания глагольных основ в староболгарском языке являются свидетельством постепенного упадка («Verkümmern») глагола, тогда как ранее система глагола была много полнее и совершеннее².

Приведенное положение Ф. Миклошича перекликается с теорией А. Шлейхера о том, что в процессах языковых смен происходили только распад и утрата старых форм, а не появление новых. Подобная трактовка процессов развития языка объясняется недостаточной разработкой сравнительно-исторического метода³. Сходные высказывания можно найти и у Ф. И. Буслаева, который полагал, что «глаголы, ныне употребляемые в книжной и образованной речи, суть отрывочные остатки обширной системы видов, развитой в большей целостности в историческом течении языка и частью сохранившейся в областных говорах»⁴.

Индоевропейским наследием считали виды Г. К. Ульянов⁵ и многие другие ученые, занимавшиеся вопросами глагола. Имеются сторонники индоевропейского происхождения славянского глагольного вида и среди современных западноевропейских ученых. К ним нужно отнести А. Мейе, Т. Милевского и др.

В своей статье «О новообразованиях славянского глагола» А. Мейе отмечает, что славянский язык не сохранил древних видовых различий, которые были в индоевропейском праязыке, остались только их следы. Например, совершенный вид глагола *дати* и несовершенный вид глагола *нести*, по мнению А. Мейе, восходят к индоевропейским отношениям.

¹ См. G. Curtius, Die Bildung der Tempora und Modi im Griechischen und Lateinischen, Berlin, 1846.

² См. Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, В. IV, Syntax, Wien, 1868—1874, стр. 294.

³ См. W. Doroszewski, O znaczeniu dokonanych osnow czasownikowych (słownych) w języku polskim, «Prace filologiczne», t. X, Warszawa, 1926, стр. 199.

⁴ Ф. Буслаев, Историческая грамматика русского языка. Синтаксис, М., 1881, стр. 127.

⁵ См. Г. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, Варшава, 1895.

Тем не менее вид является главенствующим в общеславянских глагольных категориях. По значению славянская система глагола не отличается от системы греческого глагола, но отличается от нее по форме. По формам славянский глагол далек от греческого языка Гомера, но по значению он к нему близок. Славянский язык не сохранил древних форм вида, но он сохранил и даже увеличил употребление вида. По мнению А. Мейе, это будто бы стоит в зависимости от того, что «славянские народности оставались в стороне от большой средневековой цивилизации», они сохранили старый тип цивилизации и поэтому, якобы, сохранили старые конкретные категории языка⁶. Таким образом, признавая морфологию вида в славянских языках новой, само понятие вида А. Мейе считает древним, индоевропейским.

Польский лингвист Т. Милевский также относит категорию вида к числу праиндоевропейских категорий. Он, как и Мейе, думает, что вид — это архаическая категория, почему-то получившая особое развитие у славян, между тем как в других индоевропейских языках видовые отношения отмирают и переформируются во временные. Подчеркивая, что следует отделять проблему происхождения самой категории вида от проблемы происхождения ее формальных показателей, Т. Милевский отказывается отождествлять логико-грамматическую категорию, выступающую в процессе мышления людей, говорящих на данном языке, и систему фонологических оппозиций, выражающих эту категорию, причем, по его мнению, категория вида унаследована славянскими языками из общего индоевропейского языка, а система оппозиций, в которых она выражается, — это славянское новообразование⁷.

В основе этих теорий лежит порочное положение о существовании особой «логико-грамматической» категории вида, независимой от ее формального выражения, другими словами, признание понятийной категории вида, в то время как на самом деле категория вида, как и всякая другая грамматическая категория, существует только при наличии форм, ее выражающих. Признавая морфологию вида новой, А. Мейе и Т. Милевский считают само понятие вида древним, индоевропейским, что в корне неверно, так как изменение формы неизбежно должно было повлечь за собой и изменение содержания. Реально в языке встречаются случаи, когда старые формы переосмыслиются и получают новое содержание, причем язык может пользоваться старыми формами, переосмысляя их, вкладывая в них новое содержание; встречаются иногда и случаи возникновения форм, совпадающих по звучанию и одинаковых по значению, но случаев создания новых форм для сохранения старого содержания язык не знает. Новая форма всегда связана с каким-либо изменением в значении. Т. Милевский считает невероятным развитие видовой категории на почве славянских языков лишь потому, что в индоевропейских языках якобы имеется тенденция к отмиранию этой категории. Но выражение действия при помощи глагольного вида или глагольного времени — это два способа, одинаково возможных в индоевропейских языках. Существующая в славянских языках категория вида вовсе не имеет тенденции к утрате, а продолжает развиваться как живая продуктивная категория. При этом характерно, что подобное положение не наблюдается исключительно лишь в славянских языках. Так, например, в германских языках за последнее время намечается тенденция к выражению видовых отноше-

⁶ См. A. Meillet, Des innovations du verbe slave, «Revue des études slaves», t. 2, Paris, 1922, стр. 44—46 и др.

⁷ См. T. Milewski, O zię aspektów słowiańskich, «Rocznik slawistyczny», t. 15, Kraków, 1939, стр. 4—6 и далее.

ний грамматическим путем⁸. Подобная тенденция существует и в новогреческом языке⁹. При рассмотрении этого вопроса нельзя также проводить параллели с развитием аналитизма в именах, как это делает Т. Милевский.

Развитие видовой категории свидетельствует о ее жизненности и о том, что она — не индоевропейское наследие, а новообразование. Предположение, что современные виды являются наследием глубокой индоевропейской древности, заставило бы нас искать в индоевропейском языке систему видовых противопоставлений, сходную с современной. Между тем вряд ли в индоевропейском языке было противопоставление совершенного и несовершенного видов — это не подтверждается данными индоевропейских языков с наиболее древней письменностью. Ни в одном из индоевропейских языков нет противопоставления основ настоящего времени и аориста, как вида совершенного и несовершенного. В древнегреческом языке, например, существовало тройное противопоставление основ, и лишь с утратой перфекта противопоставление аориста и презенса усиливается и воспринимается уже как противопоставление совершенного и несовершенного вида, аналогичное славянскому¹⁰, т. е. и в греческом языке совершенный и несовершенный вид — новообразование, а не древняя индоевропейская категория.

Известно, что такие крупные компаративисты, как Б. Дельбрюк и К. Бругман, находили в общем индоевропейском языке различные виды, а не только одно противопоставление парных глаголов¹¹. Следует также напомнить высказывание по этому вопросу А. Вайана: «Было бы ошибкой придавать противопоставлению аориста и имперфекта в индоевропейском языке такое значение, какое оно имеет в греческом. Различие между корнями презенса и аориста вторично, как и сопровождающая их оппозиция вида. В древнейшем индоевропейском языке мы находим уже нарушенное противопоставление глаголов действия (спряжение на *-mi*) глаголам состояния (спряжение на *-hi*), но видовое противопоставление другое, оно более позднее. Спряжение хеттско-индоевропейского языка построено по существу на оппозиции настоящего (презенса) и претерита. Нет основания предполагать в индоевропейском языке первенство категории вида над категорией времени»¹².

Вопрос о происхождении видов не мог быть решен удовлетворительно, пока вид неправильно отождествляли со способом действия, а лексическое значение глагола смешивали с грамматической категорией вида. Поэтому следует особо отметить высказывания тех ученых, которые разграничивали эти два понятия. Так, например, польский лингвист С. Агрель¹³ вводит уже два различных термина: «aspect» для обозначения грамматической категории вида и «postać» (или «Aktionsart») для обозначения лексического содержания глагола, способа выражения действия. Охарактеризовав аспект как точку зрения, с которой рассматривается действие, С. Агрель далее подробно раскрывает понятие «postać», отмечая, что «postać» глагола зависит от значения приставок, которые не только играют перфективирующую роль, но и вносят в значение глагола

⁸ См. Н. Jacobson, *Aspektfragen*, «Indogermanische Forschungen», В. 51, Н. 4, Berlin—Leipzig, 1933, стр. 292—318.

⁹ См. А. Mirambel, *Les diverses valeurs de l'aspect verbal en grec moderne*, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 33, f. 1, Paris, 1932, стр. 31—49.

¹⁰ См. там же, стр. 33—35.

¹¹ См. К. Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Strassburg, 1904, стр. 493.

¹² А. Vailant, *L'imparfait slave et les prétérits en -ē- et en -ā-*, «Bulletin de la Société linguistique de Paris», t. 40, f. 1, Paris, 1939, стр. 30.

¹³ См. S. Agrella, *Przedrostki postaciowe czasowników polskich*, Kraków, 1918.

оттенок, характеризующий протекание действия или степень достижения результата. С. Агрель различает два типа связей глагола с приставкой: 1) связь с приставкой вызывает только смену вида, 2) приставка, вызывая смену вида, в то же время известным образом характеризует само действие или состояние. «Postać» может иметь много категорий (моментальность, длительность, результативность и т. д.), тогда как вид (аспект) имеет только две категории (совершенный и несовершенный вид). «Postaci» выражают то, каким способом действие совершилось или совершается¹⁴.

По мнению Е. Германа¹⁵, виды, которые можно наблюдать в различных языках, также различны в своем существе и могут быть или субъективными, или объективными. Различие между объективными видами основано на том, является ли данное действие длительным или не длительным по времени. Подобное различие применимо к любому глаголу в любом языке, поскольку во всяком предложении мы имеем дело с длительным или недлительным выражением действия. Субъективное же видовое различие зависит от точки зрения говорящего: понимает ли он действие как процесс (курсивный вид) или охватывает его как целое (комплексивный вид)¹⁶. По мнению Е. Германа, до сих пор смешивали объективный длительный вид с субъективным курсивным, а также комплексивный с недлительным видом. Славянская система видов, говорит он, возникла из объективного противопоставления длительности и недлительности, понимавшегося субъективно. Различие совершенного и несовершенного видов в славянском языке колеблется, являясь то субъективным, то объективным¹⁷.

Приблизительно такой же точки зрения придерживается и Х. Якобзон¹⁸. Он считает аспекты противопоставлением парных глаголов (*durativ — perfektiv*), а «Aktionsarten» — способом выражения вариантов глагольного действия (интенсивность, итеративность и т. д.). Таким образом, устанавливается мнение, что противопоставление совершенного и несовершенного вида — это субъективное различие, не зависящее от содержания глагола и выражаемое категорией аспекта, которая стоит в одном ряду с такими грамматическими категориями, как время и наклонение. Аспекту противопоставляется «Aktionsart», объединяющий разнообразные значения слов, которые до сих пор считались видовыми, но на самом деле являются объективными приметами, зависящими не от точки зрения говорящего лица, а от лексического значения глагола. Если аспект оказывается особой грамматической категорией, которую имеют только славянские языки, то «Aktionsart» представляет собою лексическое значение глагола в любом из индоевропейских языков. Как категория времени является субъективной категорией, изображающей действие с точки зрения говорящего на момент высказывания, так и глагольный вид — это субъективное представление о действии. «Вид указывает способ, по какому говорящее лицо представляет себе действие»¹⁹. Так подходят к определению вида Е. Герман, Х. Якобзон, К. Ван-дер-Хейде, а также Н. Ван-Вейк²⁰ и др. Е. Кошмидер, занимавшийся вопросами глагольного вида и

¹⁴ См. там же, стр. 5, 17, 107 и далее.

¹⁵ См. E. Hermann, Objektive und subjektive Aktionsart, «Indogermanische Forschungen», В. XLV, Berlin—Zeipzig, 1927, стр. 207—228.

¹⁶ См. там же, стр. 209—210.

¹⁷ См. там же, стр. 216—218.

¹⁸ См. H. Jacobsen, указ. соч.

¹⁹ K. Van-der-Heijde, L'aspect verbal en latin, «Revue des études latines», t. X, Paris, 1932, стр. 327.

²⁰ См. N. Van-Wijk, Sur l'origine des aspects du verbe slave, «Revue des études Slaves», t. 9, f. 3—4, Paris, 1929, стр. 240—241 и т. д.

его происхождения, тоже разделяет эту точку зрения. Вид, который Е. Кошмидер ставит в связь с временем, трактуется у него как особая категория сознания, способ понимания действия, независимо от реального действия²¹.

Существует мнение, что «время глагольного действия в его подлинно грамматическом, абстрагированном от конкретного содержания значения устанавливается не с точки зрения говорящего в отношении к моменту его речи, а с точки зрения непосредственного отражения действительности в языке, как общественном явлении»²² и что «традиционное учение о разграничении форм грамматического времени... опирается на субъективно-идеалистическую философию Канта, на его учение о времени, как априорной форме всякого опыта»²³.

Несомненно, что и понимание глагольного вида как точки зрения говорящего лица на глагольное действие смыкается с субъективно-идеалистическими теориями. Однако едва ли можно утверждать, что категория вида, подобно категории времени, как понимает ее Н. С. Пospelов, отражает реальное действие в его совершении. Ведь способ совершения действия находит свое отражение в объективной лексической категории «Aktionsart»; вид же — это грамматическая категория и потому представляет собой абстракцию от реального действия. Сущность категории вида как грамматической категории заключается в том, что глагольное понятие как бы раздваивается, каждое действие, независимо от его лексического содержания (от его длительности, кратности или мгновенности), может быть представлено двояко: или как ограниченное пределом, или как не имеющее предела. Но не следует считать, что это абстрактное представление о действии является субъективным представлением отдельного лица, порожденным им самим, независимо от реальной действительности. Как все наше сознание отражает реальную действительность, так и абстрактное представление о действии, о его отношении к пределу связано с реальным действием (движением или положением в пространстве).

В настоящее время все большее признание получают теории, считающие славянские виды новообразованием. Основоположителем этих теорий следует считать А. А. Потebню, если иметь в виду следующие его положения: «Вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком...»²⁴. Образование разных степеней длительности предшествовало возникновению категории совершенности и несовершенности. Категория совершенности и несовершенности сформировалась и обобщилась позднее, подчинив себе и различие по степени длительности. Обозначение степеней длительности также сформировалось не сразу. Потebня различает четыре ступени длительности: *катить* — *катать*, *катнуть* — *катывать*²⁵.

Следует, однако, отметить, что эти ступени относятся к разным периодам развития славянских языков. Так, ступень *катывать* с суффиксом *-ыва-* и ступень *катнуть* с суффиксом *-ну-* образовались в славянских языках позже, чем первое различие между конкретным действием (*катить*) и собирательно-отвлеченным (*катать*). Суффикс *-ыва-* возникает уже на

²¹ См. E. Koschieder, Studien zum slavischen Verbalaspekt, «Kuhn's Zeitschrift», В. 55, Н. 3—4, Berlin, 1927, стр. 280—304; В. 56, Н. 1—2, 1928, стр. 78—105.

²² Н. С. Пospelов, Категория времени в грамматическом строе русского глагола, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 304.

²³ Там же, стр. 293.

²⁴ А. А. Потebня, Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 47.

²⁵ См. там же, стр. 64.

русской почве²⁶, суффикс *-ну-* из *-нж-* хотя и восходит к общеславянскому языку, но употребление его там, как показывают старославянские памятники, было крайне ограниченным; он получает распространение уже на почве отдельных славянских языков.

В 1927—1929 гг. Н. Ван-Вейк выступает с новой теорией происхождения славянских видов, которая до некоторой степени напоминает теорию А. А. Потехни. Он считает, что грамматической (по его мнению, субъективной) категории совершенности-несовершенности предшествовала «объективная» категория определенного и неопределенного вида. Глаголы, в зависимости от их лексического содержания, могли быть определенными и неопределенными. Определенные глаголы «обозначают менее сложные действия, направленные непосредственно к какой-либо цели, в то время как неопределенные глаголы употребляются для действий, состоящих из нескольких актов, или для действий длительных или многократных»²⁷. Польский лингвист Е. Курилович также считает категорию определенности-неопределенности исходной точкой в процессе образования системы видов²⁸. Е. Кошмидер тоже признает положение Н. Ван-Вейка о том, что виды возникли из категории определенности-неопределенности²⁹.

Однако процесс развития и формирования глагольных видов различные лингвисты трактуют по-разному. А. А. Потехня связывает образование видов с «влиянием предлогов на виды». Это влияние было вызвано внутренними изменениями функции предлогов. В сфере значений предлогов заметно два наслоения: более древнее — пространственные значения, позднейшее — временные. Сочетание глагола конкретного значения с предлогами со вторым (переносным) значением приводит к развитию значения совершенного вида. «Как только образовались глаголы совершенные, все остальные тем самым стали несовершенными...»³⁰.

По мнению Н. Ван-Вейка, в приставочных глаголах значение совершенного вида развивается в первую очередь там, где приставка утратила свое собственное значение и указывает только на совершение действия. Первая фаза развития видов — это широкая экспансия основ на *-а-* с долгой коренной гласной для обозначения неопределенного действия. По мере того как пары типа *бъжати* — *бъгати* делались более многочисленными, стали пользоваться неопределенными основами и там, где реальное значение корня мало давало для различения простого действия от длительного, состоящего из нескольких актов, или многократного. В этом случае существование двух глагольных основ, образованных от одного корня, могло быть использовано для обозначения того, как говорящее лицо представляло себе действие, т. е. объективные категории определенности-неопределенности могли быть заменены субъективными категориями вида³¹.

Е. Курилович считает, что толчком для образования системы видов послужило противопоставление глаголов типа *коснѣти* — *касати*. Сложения с приставками не играли роли при формировании видов, так как это оппозиция не чисто грамматическая, но и лексическая³².

²⁶ См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 243—244.

²⁷ N. Van-Wijk, указ. соч., стр. 252.

²⁸ См. J. Kurýłowicz, *La genèse d'aspects verbaux slaves*, «Prace filologiczne», t. 14, Warszawa, 1929, стр. 644—657.

²⁹ См. Е. Koszmider, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy*, Wilno, 1934.

³⁰ А. А. Потехня, указ. соч., стр. 19.

³¹ См. N. Van-Wijk, указ. соч., стр. 250—251.

³² См. J. Kurýłowicz, *Pochodzenie słowiańskich aspektów czasownikowych. Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie*, R. 9, Lwów, 1929, стр. 70—74.

По мнению Е. Кошмидера, поворотным пунктом в развитии видовой системы было опущение временного фактора в детерминированных глаголах, который он называет «*czasowienem*» (приобретением временного значения). Исходным моментом формальной системы видов Кошмидер считает невозможность выразить настоящее время совершенным видом³³. Как мы видим, до некоторой степени он сближается здесь с А. А. Потемней.

Однако все это едва ли объясняет нам суть процесса формирования видов. Временное значение приставок существует и в других индоевропейских языках, однако виды там не образуются. В немецком языке имеются и так называемые «пустые» приставки, лишенные лексического значения (например, *er*, *ge* и некоторые другие), и все же категория вида в глаголах с этими приставками не возникает. Ближе к истине Н. Ван-Вейк, который говорит о значении широкой экспансии основ на *-a-*. Однако он не раскрывает своего положения. Как правильно отмечает Я. Сафаревич, основным недостатком теории Н. Ван-Вейка и теории Е. Куриловича является то, что они не показывают, как лексическая категория переродилась в грамматическую³⁴.

Итак, несомненно, что появлению славянских видов предшествовало такое состояние языка, когда глаголам, выражавшим определенное (по терминологии Н. Ван-Вейка) или конкретно единичное (по терминологии А. А. Потемни) действие, противопоставлялись глаголы с неопределенным или отвлеченно-собирательным значением.

Определенный, или терминативный, вид был отмечен в свое время Б. Дельбрюком в числе других глагольных видов общеиндоевропейского языка. При терминативном виде «действие протекает как процесс, но так, что при этом имеется в виду его цель; все равно, будь это исходная или конечная точка действия»³⁵. Различие определенности-неопределенности отмечается почти во всех индоевропейских языках. А. Мейе видит это различие везде, где появляются супплетивные формы для выражения одного глагольного понятия³⁶.

В древнегреческом языке в различии между пассивным аористом на *-ту* и на *-џту* А. Прево находит различие вида определенного и неопределенного. Аорист на *-ту*, по его мнению, выражает неопределенный вид как общую идею состояния, аорист на *-џту* —определенный вид как результат действия³⁷. Таким образом, значение неопределенности А. Прево отождествляет со значением состояния (суффикс *-ѐ-* был суффиксом состояния во всех индоевропейских языках). Приставки как в греческом, так и в латинском языках выражают определенный вид³⁸.

Интересно в этом отношении и исследование Г. К. Ульянова³⁹, который разделяет глаголы балтийского и славянского языков на глаголы действия (действительный залог) и глаголы состояния (средний залог).

³³ См. E. Koszmięder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie...*, стр. 197—198.

³⁴ См. J. Safarewicz, *Nowsze badania nad genezą aspektów słowiańskich*, «Rocznik slawistyczny», t. 14, Kraków, 1938, стр. 78—80.

³⁵ См. B. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Teil 2, Strassburg, 1897, стр. 15.

³⁶ См. A. Meillet, *Grec ερχομαι*, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. 23, Paris, 1929, стр. 249.

³⁷ См. A. Prévot, *L'aoriste grec en -џту*, Paris, 1935, стр. 25 и др.

³⁸ См.: J. Brunel, *L'aspect verbal et l'emploi des préverbes en grec*, Paris, 1939; K. Van-der-Neude, *L'aspect verbal en latin*, «Revue des études latines»: t. X.—1932, t. XI—1933 и t. XII—1934.

³⁹ Г. Ульянов, *Значения глагольных основ в литовско-славянском языке*, ч. I, Варшава, 1891.

Различие в залогах сопровождается и различием в глагольных основах. Глаголы, обозначающие действие, — простые, производные, глаголы же, обозначающие состояние, получают производные основы на *-i-*, *-ē-*, *-ā-*. Таким образом, независимо от своей общей концепции по вопросу о видах Г. К. Ульянов находит какое-то первоначальное деление глаголов на глаголы действия и состояния. Это противопоставление глаголов действия глаголам состояния Г. К. Ульянов отмечает и в других индоевропейских языках. Так, он обращает внимание на греческие аористы на *ē* (η) со значением состояния, которые позже исследовал А. Прево, на латинские глаголы на *-ēre*, послужившие для образования новых форм прошедшего времени на *-bam*, т. е. форм имперфекта⁴⁰.

В. Штрейтберг⁴¹, внесший большую путаницу в вопрос о глагольных видах и нашедший в германских языках такие же виды, как и в славянском, фактически лишь зафиксировал в германских языках различие между глаголами состояния и глаголами перехода к состоянию (например, *standan* — *gastandan* «стоять — встать»; *sitan* — *gasitan* «сидеть — сесть»); повидимому, и в германских языках существовала категория определенности-неопределенности, выражавшаяся в противопоставлении глаголов состояния глаголам действия (перехода к состоянию).

Итак, можно предположить, что противопоставление определенных и неопределенных основ является очень древним и восходит к общиндоевропейскому языку. При этом первоначальное противопоставление определенных и неопределенных глаголов (еще до развития приставок) было противопоставлением глаголов действия глаголам состояния. Определенный вид выражал конкретное действие, неопределенный — состояние, или действие как состояние. Отражение этих отношений мы видим во всех индоевропейских языках, но с присущим этим языкам своеобразием. Развитие глагольных префиксов привело к значительным видоизменениям и своеобразному развитию категории определенности-неопределенности.

Общеславянский язык унаследовал из индоевропейского языка глагольные основы с различными формальными показателями и различной семантикой. Это были глаголы неопределенные, глаголы нейтральные, определенные, кратные и т. д., но все это были лексические оттенки значений, а не грамматические категории. Особенно выделялось противопоставление глаголов действия и состояния с двояким отношением: 1) отношением фактitiva и глагола состояния: *боудити* — *бѣдѣти*; *оучити* — *выкнѣти*; *сидити* — *сѣдѣти* и т. д.; 2) отношением глагола, обозначающего переход к состоянию, и глагола состояния; первые глаголы с инфиксом, вторые с производной основой на *ē*: *сѣдѣж* — *сѣдѣти*; *лѣж* — *лѣжати*; *станѣж* — *стояти*; *бѣдѣж* — *бѣ*; *имѣж* — *имѣти*.

Первое противопоставление, особенно развившееся в балтийских и германских языках, на славянской почве не было продуктивным, второе же становится весьма продуктивным; оно и было основным ядром противопоставления определенности и неопределенности.

Развитие категории определенности-неопределенности на славянской почве началось с ее грамматикализации. Первым толчком к грамматикализации послужило образование особой формы прошедшего времени для неопределенных основ, а именно — образование имперфекта. В общеславянском языке первоначально была одна форма прошедшего времени,

⁴⁰ Там же, стр. 34, 35, 46, 220, 269.

⁴¹ См. W. Streitberg, Perfective und imperfective Actionsart im Germanischen, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», B. XV, Halle, 1891, стр. 85—87.

восходящая к индоевропейскому аористу или имперфекту⁴². Она имела различные суффиксы в зависимости от суффикса основы. Основы на согласный, непроезвонный, имели после согласного тематический гласный *e/o*. Основы глаголов состояния с суффиксом *ē* или *ā* сохраняли этот суффикс в аористе. Остатки этого древнего прошедшего времени мы имеем в древнем тематическом аористе типа *падъ*, *паде* и т. д.

Появление сигматического аориста и его широкое распространение приводит к тому, что характерный для этого аориста суффикс *-x-* (*с*, *ш'*) обобщается и становится признаком прошедшего времени. Простой аорист от основ на согласный постепенно вытесняется сигматическим, аорист же, образованный от основ состояния на *ē* (*ь*) и *ā*, сохраняется как форма прошедшего времени основ глаголов состояния и получает суффикс *-x-* (*с*, *ш'*) как признак прошедшего времени. Причем этот суффикс выступает во всех личных формах подобного образования — *сѣдѣхъ*, *сѣдѣше*, *сѣдѣхомъ*, *сѣдѣшите* и т. д.

Таким образом, формирование имперфекта следует отнести к тому времени, когда суффикс сигматического аориста обобщился и стал признаком прошедшего времени.

Итак, мы имеем два типа форм имперфекта: с *-ь-* от основ на *-ь-* — *болѣхъ*, *сѣдѣхъ* и с *-а-* от основ на *ā* — *искахъ*, *рыдахъ*. Эти формы, которые неправильно называют стяженными, встречаются еще в древнейших старославянских памятниках; такого же типа и древний имперфект от глагола *быти* (*бѣхъ*).

Первоначально формы имперфекта имели лишь значение прошедшего состояния. Но так как значение состояния появлялось не только в основах на *-ь-* и *-а-*, но и в других, например, в основах отыменных (*вѣровати*, *бесѣдовати*) или в основах, обозначающих неопределенное движение, — *носити*, *водити*, *ходити* (в противоположность определенным глаголам движения, обозначающим единичное, конкретное действие, эти глаголы, повидимому, обозначали: «находиться в состоянии движения»), то новую форму прошедшего времени с суффиксом состояния *-ь-* или *-а-* стали получать и эти основы, близкие по значению к основам состояния. Таким образом, суффикс основы отрывается от нее и становится признаком имперфекта вообще. При этом два имевшихся суффикса обобщаются как общий признак имперфекта *-ьа-*; во многих случаях *-ьа-* по фонетическим причинам переходит в *-аа-*.

Итак, если не входить в детали, можно согласиться с Г. К. Ульяновым, что в основе имперфекта лежат глаголы среднего залога с *ē* и *ā*⁴³, и с А. Вайаном, который видит в славянском имперфекте древние претериты на *ē* глаголов состояния и на *ā* глаголов действия⁴⁴.

В этих вновь созданных условиях формы аориста в противоположность имперфекту становятся формами прошедшего времени со значением перехода к состоянию или вообще с более общим значением единичного определенного действия, имевшего место в прошлом. В древнейших старославянских памятниках встречаются еще следы такого употребления форм аориста и имперфекта. Так, от глаголов состояния образуется только имперфект, а от глаголов со значением перехода к состоянию — только аорист. Например, глагол состояния *болѣти* в евангельских кодексах встречается только в форме имперфекта: *Бѣ же етеръ ѿсрѣ мѣжеъ егоже*

⁴² См. А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 198.

⁴³ Г. Ульянов, указ. соч., ч. I, стр. 202—203.

⁴⁴ А. Vaillant, указ. соч., стр. 5—30.

сѣнь большіе (Мар., Ио. IV, 46)⁴⁵; *Еже братъ Лазоръ большіе* («Сав. кн.», 68, Ио. XI, 2). Форму первого лица *большъ*, например *Большъ и поспѣхисте мене* («Сав. кн.», 56, Мф. XXV, 36), несмотря на греческий аорист $\eta\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\eta\sigma\alpha$ ⁴⁶, нет основания считать аористом, так как стяженные формы имперфекта часто встречаются в евангельских кодексах и нет ни одного примера на аорист от этой основы в другом лице.

От глагола состояния *сѣдѣти* есть только формы имперфекта, аорист же употребляется только от глагола действия *сѣсти*. Также от глагола *стояти* есть только имперфект, от глагола *стати* — только аорист и т. д. Например: *И възшедъ на горѣ сѣде тоу* (Мар., Мф. XV, 29); *Сынъ Тимеовъ Вартимеи слѣлъ сѣдѣаше при нѣхти* (Мар., Мр. X, 46); *Исѣ же ста прѣдъ иѣмономъ* (Мар., Мф. XXVII, 11); *Маріи же стояше оу гроба възъ плачѣхити сѣ* (Мар., Ио. XX, 11).

В дальнейшем понятие определенности-неопределенности все расширяется. Оно уже охватывает не только противопоставление глаголов состояния глаголам действия, но и в самих глаголах действия становится возможным противопоставление единичного конкретного действия действию отвлеченному, собирательному. Отношения определенности-неопределенности, кроме прошедшего времени, начинают выражаться и в других формах. Так, исследование древнейших старославянских памятников показывает, что в причастных формах наблюдаются приблизительно те же отношения, что и в прошедших временах. Причастия настоящего времени становятся формами неопределенных основ, а причастия прошедшего времени — формами основ определенных. Так, например, от глаголов состояния возможно образование только причастий настоящего времени, от глаголов перехода к состоянию — только причастий прошедшего времени. Например, от *сѣдѣти*, *стояти*, *лежати* встречаются только формы причастий настоящего времени, от *сѣсти*, *стати*, *леци* — только причастия прошедшего времени: *И възвѣшѣ въ гробъ видѣшѣ юношѣ сѣдѣхити о деснѣхъ* (Мар., Мр. XVI, 5); *И сѣдѣ оучааше ис корабль народы* (Мар., Лук. V, 3); *И тѣ бѣ стоѣ Исѣ при езерѣ ѣнисаретъсѣи* (Мар., Лук. V, 1); *И ставъ надъ неѣ запрѣхити огню* (Мар., Лук. IV, 39).

Формы настоящего времени от определенных глаголов имеют значение конкретного настоящего или будущего. Это видно из сопоставления с греческими оригиналами, где одной и той же славянской форме настоящего времени от определенного глагола соответствует греческое настоящее или будущее: *Емоу же лопата въ рѣкою кео и потрѣбитъ гоумно своѣ* (Мар., Мф. III, 12) — греч. будущее $\delta\acute{\iota}\alpha\chi\alpha\rho\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}$; *И всякъ творѣхѣ плодъ отрѣбитъ ѣ* («Сав. кн.», 93, Ио. XV, 2) — греч. настоящее $\chi\alpha\rho\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}$. Следовательно, последний пример на русский язык нужно перевести, как: «всякую (лозу), приносящую плод, очищает» (а не «очиститъ»). *Всѣко срѣие раздѣльѣ сѣ само въ себѣ запоустѣетъ* (Зогр., Лук. XI, 17) — греч. настоящее $\epsilon\rho\theta\iota\sigma\tau\acute{\iota}$. На значение настоящего времени указывает и причастие настоящего времени *раздѣльѣ сѣ*.

Значение настоящего времени сохраняется долгое время за некоторыми глаголами в славянских языках даже и после образования видов. Так, например, как указывает П. С. Кузнецов в своей статье «К вопросу

⁴⁵ В настоящей статье приняты следующие сокращения: «Сав. кн.» — «Саввина книга», изд. В. Н. Щепкина, СПб., 1903; Мар. — Маринское четвероевангелие, изд. И. В. Ягича, СПб., 1883; Зогр. — Зографское четвероевангелие, изд. И. В. Ягича, Берлин, 1879 (на лат. яз.); Ио. — от Иоанна; Мф. — от Матфея; Лук. — от Луки; Мр. — от Марка. Цифры обозначают: римская — главу, арабская — стих; в «Саввиной книге» первая арабская цифра обозначает страницу.

⁴⁶ Греческий текст дается по изданию: E. Nestle, *Novum Testamentum Graece*, Stuttgart, 1910.

о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка», еще Е. Будде отмечал в языке Пушкина глагол «падет» в значении несовершенного вида⁴⁷ (мы скажем лучше — в значении настоящего, а не будущего времени):

И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное *падет*
В душе, молением усмирной.

Настоящее время глаголов неопределенных обычно имеет вневременное значение: *Раба̀ бо не вѣсть что творить Гѣ его* («Сав. кн.», 94, Ио. XV, 15).

Таким образом, все глаголы оказываются противопоставленными друг другу как определенные неопределенным не только по своему значению, но и по своим формам. Следовательно, старое лексическое противопоставление определенных-неопределенных основ становится все более грамматическим. Сущность же грамматикализации лексической категории определенности-неопределенности заключалась в том, что противопоставление определенных и неопределенных глаголов отрывалось от конкретного содержания основы и становилось более общим. Формально это выражалось в том, что от каждого определенного глагола становится возможным образование производного глагола с неопределенным значением. Стимулом к образованию новых неопределенных глаголов послужило создание формы имперфекта от основ с определенным значением. Формы имперфекта были чрезвычайно продуктивны. Оторвавшись по своему образованию от основ состояния на *e* и *a*, они начинают образовываться (как уже говорилось выше) и от основ с неопределенным значением (отыменных, глаголов движения и т. д.). В дальнейшем становится возможным образование этих форм и от определенных глаголов. Так, в старославянских памятниках мы встречаем уже формы имперфекта от некоторых определенных глаголов, правда, в незначительном количестве, как, например, от определенных глаголов движения. В позднейших памятниках образование имперфекта распространяется на все глаголы.

Образуясь от определенного глагола, имперфект придает глагольной основе свое неопределенное значение, и уже от основы имперфекта, расширенной суффиксом *-ь-* или *-а-*, создаются другие формы (причастия, настоящее время и т. д.) с неопределенным значением. Так получают новые группы производных глаголов, как, например, большая и очень продуктивная группа глаголов на *-ити*, образующая производные глаголы именно таким путем: например, глагол *крѣтити* был глаголом определенного действия, от него образуются обычные определенные формы, настоящее время имеет значение и настоящего и будущего: *Тѣи вы крѣтитѣ дѣломъ стѣмъ* (Мар., Мф. III, 11) — будущее время; *Азъ убо водою крѣщуъ вы* («Сав. кн.», 144, Лук. III, 16) — значение настоящего времени; *И крѣсти сѧ отъ Иѡа* («Сав. кн.», 145, Мр. I, 9) — аорист со значением единичного конкретного действия; *Исѡу крѣтитишо сѧ* (Мар., Лук. III, 21) — также единичное конкретное действие. Однако от этой основы начинают появляться формы имперфекта и причастий настоящего времени со значением действия обычного, постоянного: *Сего ради приходѣ азъ и въ водѣ крѣстѧ* («Сав. кн.», 145, Ио. I, 31); *И тоу живѣаше съ ними и крѣтааше* (Мар., Ио. III, 22).

⁴⁷ П. С. Кузнецов, К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. II, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 245.

От основы имперфекта, которая по фонетическим причинам получает форму *крѣца-* (= *крѣсти-ть* = *крѣста* = *крѣца*), образуются и другие формы с неопределенным значением. Так, в евангельских кодексах от основы *крѣца-* встречается настоящее время: *ѣко Ис множашиа оученики творитъ и крѣштаеть неже Иоанъ* (Зогр., Ио. IV, 1); *Азъ убо крѣцажъ вы водою* (Мар., Мф. III, 11). Но форма эта новая, она еще конкурирует со старой формой настоящего времени. Об этом свидетельствуют различия евангельских кодексов: *И крѣщениемъ имъже азъ крѣштажъ сѧ* (Мар., Мф. XX, 23); *крѣцѣжсѧ* (Зогр., Мф. XX, 23); *крѣштажъ сѧ* (Мар., Мр. X, 39); *крѣцѣ сѧ* («Сав. кн.», 67, и Зогр., Мр. X, 39) и т. д.

Так же, повидимому, образуются производные глаголы от основ *поустити*, *троудити сѧ*, *святити*, *варити*, *срамити*, *вратити*, *бранити* и т. д. — *поуцати*, *троуждати сѧ*, *свѣцати*, *варѣти*, *срамѣти*, *вращати* и т. д. Это явление отмечает и Остен-Закен, который пишет: «Категории итеративов на *-ати* к глаголам на *-ити* вообще основаны на имперфекте»⁴⁸. В том случае, если основа имела коренную гласную *-о-*, это о удлинялось в *-а-* в форме имперфекта. Если глагол IV класса (*прости-ти*) был совершенным, указывает далее Остен-Закен, то известно, что в нужном случае от него мог быть образован имперфект, и естественней всего принять, что этот имперфект изменял коренной гласный... Если глагол, лежащий в основе, был несовершенным, возможно, что в имперфекте с кратким гласным была прибавлена долгота без различия в значении, так как уже привыкли, что несовершенная глагольная основа на *-а-* имела долгий гласный⁴⁹.

Остен-Закен неправ здесь в том отношении, что говорит о глагольных видах применительно к данному периоду, так как во время формирования производных глаголов виды еще не были развиты. Но вполне возможно, что существовавшее уже противоположение некоторых основ по определенности, выражавшееся в чередовании гласных, как *коснѣти* — *касати*, *ложити* — *лагати*⁵⁰, могло оказать влияние на образование производных глаголов. Так, от *родити* имперфект, вероятно, был *раждаахъ*, отсюда — производный глагол *раждати*, от *клонити* — *кланяахъ*, отсюда — *кланяти сѧ*.

Через посредство формы имперфекта могло также сложиться и образование производных глаголов с количественным удлинением других гласных, как, например, от *сзѣдати* — *сзѣидати*, от *лобѣзати* — *лобызати*.

От основы имперфекта образовались и производные глаголы от основ на гласный. Правда, некоторые глагольные пары были унаследованы от индоевропейской эпохи, например, *дати* — *даѣти*⁵¹. Но А. Мейе отмечает: «Формы настоящего времени типа *знаѣж*, *даѣж*, *дѣѣж*, *вѣѣж*, *сѣѣж* и т. д. образуют многочисленную группу сильных глаголов, имеющую характер почти регулярного образования. Если даже та или иная из этих форм и восходит к общиндоевропейскому языку, то в целом мы все же имеем дело с новым славянским образованием»⁵². Все эти глаголы производные —

⁴⁸ W. Osten-Sacken, Die sogenannte Dehnung in der Wurzelsilbe der slavischen Iterativa, «Archiv für slavische Philologie», B. 32, Berlin, 1911, стр. 324—336.

⁴⁹ См. там же, стр. 335.

⁵⁰ См. А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 163 и N. Van-Wijk, Zur Vorgeschichte der slavischen Aspekte, «Indogermanische Forschungen», B. 53, Berlin—Leipzig, 1935, стр. 198.

⁵¹ См. А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 166, 181.

⁵² Там же, стр. 181.

от простых *дати, дѣти, състи*⁵³. От основы *дѣти, състи* имперфект образуется обычным путем — *сънахъ, дѣнахъ*; вполне вероятно, что производные глаголы *съати* и *дѣати* произошли от основы имперфекта.

Таким образом, громадное большинство случаев образования производных глаголов можно возвести к основе имперфекта от простого глагола. (Нельзя отнести к имперфекту основы *лагати, стхпати*, которые являются, повидимому, старыми индоевропейскими образованиями.) Только иногда суффикс имперфекта *-ь-* или *-а-* оказывается недостаточным. Это бывает в тех случаях, когда основа глагола оканчивается на *-а-*; тогда или вставляется *-в-*, или же используется чередование (количественное) *ь — и, ъ — ы, о — а*. Например, *съзидати — съзидѣхъ — съзидати*; *събрати — събирати*. Но самый процесс образования производных глаголов от этого не изменяется, т. е. удлинение гласной и вставка *-в-* происходит в форме имперфекта, образующейся от простой глагольной основы.

С другой стороны, развитие глагольных приставок приводило к образованию новых определенных глаголов от неопределенных. Так как приставки уточняли значение глагольной основы, делали ее большей частью определенной, то они оказались удобным способом для образования глаголов с определенным значением от неопределенных основ. При этом приставки с пространственным значением не изменяли в видовом отношении глагольной основы (например, *прити — приходити; състи — възсъсти*), а лишь указывали направление действия. В общеславянском языке наряду с пространственным значением в приставках начинает развиваться переносное, временное значение, и поэтому приставки, придавая глаголу значение начала действия, завершения его и т. д., изменяют глагол и в отношении его лексико-видового значения. Так, например, приставка *въз-*, получив переносное значение начала действия, соединяясь с глаголами состояния, начинает обозначать переход к состоянию (например, *любити — възлюбити; ненавидѣти — възненавидѣти; радовати сѧ — възрадовати сѧ*). Такое же значение получают и некоторые другие приставки, как *оу-, по-, раз-* (например, *млъчати — оумлъчати; вѣдѣти — оувѣдѣти; знати — познати; гнѣвати сѧ — разгнѣвати сѧ*).

Новые определенные глаголы сначала образуют только определенные формы: аорист, действительные и страдательные причастия прошедшего времени, но затем становится возможным образование имперфекта, от основы которого образуется и новый производный глагол (например, *познати — познавати* и т. д.).

Необычайная продуктивность глагольного словообразования приводила к тому, что каждому определенному глаголу соответствовал парный неопределенный глагол. Это, конечно, не могло не отразиться и на значении самой категории определенности-неопределенности. Каждый глагол, который раньше лексически представлялся только как определенный, образуя имперфект и другие производные формы, вместе с ними получал и новое неопределенное значение. С другой стороны, и неопределенный глагол, получая приставку с переносным значением, становился определенным. Иногда значение производного глагола совпадало со значением простого неопределенного глагола — и тогда простой глагол вытеснялся новым, производным. Так, например, глагол *блюсти* вытесняется глаголом *съблюдати*, глагол *здати* — глаголом *съзидати* в языке старославянских памятников. В других случаях в новом глаголе разви-

⁵³ См. А. В а й а н, Руководство по старославянскому языку, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952, стр. 304—306.

важность значения многократности. Так, например, производные глаголы, образованные от определенных глаголов перехода к состоянию, обозначали то же действие перехода только как многократное (например, от *спсти* — *спсдати*, от *лещи* — *лещати* и т. д.).

Таким образом, само понятие определенности-неопределенности переставало быть лексическим или лексико-грамматическим, оно грамматикализировалось. Окончательная грамматикализация этой категории совпадает с переходом ее в категорию совершенности-несовершенности.

*

Процесс развития видов (совершенного и несовершенного) происходил на почве отдельных славянских языков, в общеславянском языке были созданы лишь предпосылки для их развития. Нельзя считать, что развитие видов должно было иметь лишь одну какую-нибудь отправную точку, например, противопоставление глаголов *коснѣти* — *касати*, как думает Е. Курилович⁵⁴, или развитие в приставках переносного значения, как думают А. А. Потебня и Е. Кошмидер⁵⁵. Процесс развития видов охватывал все глагольные формы. Так, в прошедших временах развитие понятия несовершенного вида происходило там, где имперфект образовался от определенной основы, где было как бы слияние двух значений: определенного, выраженного глагольной основой, и неопределенного, выраженного формой имперфекта. При этом возможны были два варианта: 1) если не было еще парной глагольной основы с неопределенным значением, новая форма имперфекта получала неопределенное значение и служила сама источником для образования неопределенных глаголов (*крѣстити* — *крѣщати* и т. д.; см. выше); 2) если существовала глагольная пара, как, например, *нести* — *носити*; *ити* — *ходити*; *дати* — *даяти*, в которой один глагол имел определенное значение, а другой неопределенное, и все же от определенной основы образовался имперфект, то определенная основа в имперфекте не могла полностью сохранить свое определенное значение, а имперфект, с другой стороны, не мог передать этой основе свое неопределенное значение. Соединение двух значений, определенного значения основы и неопределенного — формы, порождало новое значение: определенное действие представлялось как процесс, а это и было значением несовершенного вида. В старославянских памятниках встречается много примеров на имперфект и аорист от одной и той же определенной основы. Между ними нельзя найти никакого различия, кроме видového. Ср., например, такие случаи: *И многъ народъ отъ Галилеѣ по немъ иде* (Мар., Мр. III, 7); *Идѣше по Исѣ народъ многъ*. («Сав. кн.», 130, Мр. V, 24); *Петръ же идѣше въ сльбъ из далече*. (Мар., Лук. XXII, 54); *И иде въ домъ свои* («Сав. кн.», 30, Лук. V, 24).

Таким образом, имперфект от глагола *ити* изображает действие как процесс, аорист — как законченный факт. С другой стороны, аорист, выражавший раньше единичное действие, стал образовываться от неопределенных основ, и сочетание значения аориста как формы со значением определенного единичного действия и значения неопределенной основы приводило к созданию представления о состоянии или о действии, ограниченном пределом, т. е. развивалось понятие совершенного вида. Например: *Придѣта да видита мѣсто идеже лежа Гѣ* («Сав. кн.», 115, Мф.

⁵⁴ J. Kurýłowicz, La genèse d'aspects verbaux slaves.

⁵⁵ См. А. А. Потебня, указ. соч., стр. 19; E. Koszmięder, Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie..., стр. 197.

XXVIII, 6). Конечно, нельзя сказать, что видовые отношения развились только из противоположных значений аориста и имперфекта, образованных от одной основы, но эта противоположность была одним из факторов в развитии видов.

То же происходило и в причастных формах. Причастия настоящего времени выражали состояние и неопределенные действия, но когда они стали образовываться от определенных основ, они получали новое значение. При этом здесь также были возможны два варианта: если определенная основа не имела себе пары, она получала неопределенное значение в форме причастия настоящего времени, например, значение состояния или обычной деятельности: *Бысть Иоанъ крѣста въ поустыни* («Сав. кн.», 142, Мр. I, 4); *Приде Снѣ члѣкъ ѣды и пиѣ* (Мар., Мф. XI, 19), т. е. «имеющий потребность есть и пить».

Если же парный неопределенный глагол существовал, а причастие настоящего времени все же образовалось от определенной основы, то значения неопределенного причастия и определенной основы создавали новое значение — действие представлялось как процесс или как состояние, т. е. развивалось значение несовершенного вида: *И се двѣ отъ нихъ бѣсте идѣшта въ тѣжде день* (Мар., Лук. XXIV, 13); *И видѣвъ ѣ по себѣ идѣшта гла има* (Мар., Ио. I, 38).

С другой стороны, причастия прошедшего времени от неопределенных основ получали значение действия или состояния, ограниченного пределом, т. е. приближались к значению совершенного вида: *И бѣ Анѣна... живѣши съ мѣ жемъ 3 лѣтъ* («Сав. кн.», 136, Лук. II, 36). Таким образом, видовые противопоставления развивались и в причастных формах.

Формы настоящего времени от определенных основ имели значение конкретного настоящего и будущего: *Како же нынѣ видѣтъ* (Мар., Ио. XI, 21); ср. греч. настоящее время βλέπει; *И тоу и видѣте* (Зогр., Мр. XVI, 7); ср. греч. будущее ὄψεται.

Формы настоящего времени от неопределенных основ имели вневременное значение: *Слѣпши прозираѣтъ и хроми ходѣтъ* (Зогр., Мф. XI, 5). (Здесь выражено действие, происходящее не в данный конкретный момент, а вообще, с тех пор как Иисус стал творить чудеса.)

Распространение неопределенных производных глаголов с приставками приводило к тому, что формы настоящего времени от этих глаголов начинали употребляться в значении конкретного настоящего, но так как неопределенная основа препятствовала до некоторой степени развитию определенного значения, то определенное единичное действие представлялось как процесс в своем течении, а это и было уже значением несовершенного вида: *Се извождѣ вамъ да разуумѣте* («Сав. кн.», 107, Ио. XIX, 4); *Слѣшавша же како Ис мимоходѣтъ възъпѣста* («Сав. кн.», 26, Мф. XX, 30).

Определенная парная основа употребляется, как известно, в значении конкретного настоящего и будущего. Вероятно, по аналогии с нею и неопределенная основа начинает употребляться в значении будущего, так что мы иногда имеем формы настоящего времени от разных основ, употребленные в одной и той же функции: *Паки придѣ и поимѣ вы къ себѣ* («Сав. кн.», 90, Ио. XIV, 3) — значение будущего; ср. греч. будущее παραλήψεται; *Тѣгда идѣтъ и поимѣтъ другыѣ горѣшь себе седмѣ и възидѣше живѣтъ тоу* (Зогр., Лук. XI, 26); ср. греч. настоящее παραλαβάνει со значением настоящего времени; *Единъ поемлетъ ся а другы оставлѣтъ* (Зогр., Лук. XVII, 34) — значение будущего; ср. греч. будущее παραληφθήσεται; *Что сътворѣ.ько гѣ мои отѣемлетъ строенье домоу отъ мене* (Зогр., Лук. XVI, 3); ср. греч. настоящее ἀφαιρέται со значением настоящего времени.

Постепенно формы настоящего времени от определенных основ начинают употребляться исключительно в значении будущего времени. Таким образом, и в формах настоящего времени развиваются видовые противопоставления.

Вообще говоря, понятие несовершенного и совершенного вида развивалось там, где как бы сталкивались между собой два противоположных понятия определенности и неопределенности, и в результате этих столкновений рождались новые понятия. Так, само глагольное словособразование было главным источником для создания видовой противоположности, так как оно больше всего и порождало эти противоречия, потому что определенный глагол с приставкой, получая суффикс неопределенности (через вновь образованную форму имперфекта), вместе с тем получал и новый оттенок в значении. Приставка, конкретизировавшая его значение, мешала развитию значения неопределенности в полной мере. Производный глагол тяготел к употреблению в значении единичного конкретного действия, но суффикс неопределенности или коренная гласная при чередовании мешали развитию определенного значения, в таком случае происходила как бы контаминация двух значений: определенности и неопределенности. Определенное единичное действие представлялось как процесс, не имеющий предела в своем течении, т. е. другими словами развивалось значение несовершенного вида. Таким образом, необычайно продуктивный процесс образования неопределенных глаголов от определенных был по существу главным фактором в развитии глагольных видов, так как он раздваивал глагольное понятие, делая возможным двойное представление об одном и том же действии.

Итак, категория определенности-неопределенности, грамматикализуясь и дойдя в своем развитии до определенного предела, превратилась в категорию совершенного и несовершенного вида. Обычным мнением является предположение, что прежде всего сформировался совершенный вид, а несовершенный узнается только из противопоставления совершенному. Так смотрели на это, например, А. А. Потебня («Как только образовались глаголы совершенные, все остальные тем самым стали несовершенными...»⁵⁶), Н. Ван-Вейк и другие. Есть мнение, что вообще существует только совершенный вид, а несовершенный выявляется из противопоставления совершенному⁵⁷. Однако история развития славянских видов противоречит этой точке зрения. Активным ведущим членом в корреляции определенности-неопределенности был член неопределенный. Неопределенные основы отличались от определенных своими суффиксами (-лъ-, -а-). Грамматикализация началась с образования прошедшего времени для неопределенных основ и выразилась в создании производных неопределенных глаголов.

Приставки, играющие большую роль в образовании видов, сами по себе, однако, не создавали новой видовой категории. Приставки, как известно, существуют во всех индоевропейских языках с теми же значениями, что и в славянских, не только пространственными, но и переносным, результативным, определенным и т. д., но виды там не развиваются. Виды возникли в славянских языках не потому, что существовали формы с приставками, а потому, что этим формам были противопоставлены другие формы с тем же значением, с теми же приставками, но с суффиксами неопределенности. Такие противопоставления, как *слышати* — *оуслышати*, *молити* — *оумолити*, как показывают материалы старославянского языка, не были видовыми противопоставлениями. Об этом свидетельствует

⁵⁶ А. А. Потебня, указ. соч., стр. 19.

⁵⁷ См. Т. Milewski, указ. соч., стр. 1—2.

почти одинаковое значение глагольных форм с приставками и без приставок. Ср. *И оуслыша ѿрѣ Иродѣ* (Зогр., Мр. VI, 14) и *Слыша же Иродѣ* (Мар., Лук. IX, 7); в греческом оригинале в обоих случаях представлена одна и та же форма аориста; *И слышавъ ѿср тѣ разгнѣва сѧ* (Мар., Мф. XXII, 7) и *Оуслышавъ же Иродѣ ѿрѣ съмяте сѧ* («Сав. кн.», 137, Мф. II, 3); в греческом — одна и та же форма причастия; *И дрѣнѣ въ вѣниде къ Пилатоу и проси тѣла Исѣва* (Мар., Мр. XV, 43); греч. аорист *ἤρθετο*; *Сѣ пристѣ нѣ къ Пилатоу испроси тѣло Исѣво* (Мар., Лук. XXIII, 52); греч. аорист *ἤρθετο*.

Вероятно, об этом же свидетельствуют разночтения различных евангельских кодексов при одной и той же греческой форме, как: *И оуслышавъшеи оживѣ тѣ* (Мар., Ио. V, 25); ср. *слышавъшеи* (Зогр., Ио. V, 25); *И оушима тѧ жѣко слышашѧ* (Мар., Мф. XIII, 15); ср. *и оуслышашѧ* (Зогр., Мф. XIII, 15). Видовое значение получила другая пара глаголов, как *оумолити* — *оумоляти*; *съконьчати* — *съконьчавати*.

Понятие неопределенности, как мы видели, не остается неизменным на протяжении всей истории развития. Оно прогрессирует и расширяется вместе с развитием производных неопределенных глаголов. От значения состояния оно переходит к значению собирательного действия, значению кратности и, наконец, сливаясь до некоторой степени со значением определенности, образует понятие несовершенного вида. Отношения кратности, о которых говорят Потемня, Фортунатов⁵⁸ и др., — это, повидимому, те же отношения определенности-неопределенности на поздней стадии развития.

Итак, прежде всего в процессе формирования категории вида создавалось, повидимому, понятие несовершенного вида; понятие неопределенности полностью вошло и как бы растворилось в нем, так как несовершенный вид включает в себя и значение многократности действия, и значение состояния, и значение действия, представленного собирательно, и значение длительности, процессуальности и т. д. Именно поэтому и не остается никаких следов имперфекта как формы, выражавшей неопределенный вид; он утратился бесследно и раньше, чем аорист, и все неопределенные глаголы получили значение несовершенного вида.

Понятие определенности остается почти неизменным на протяжении всего процесса развития. Если неопределенный член в корреляции определенности-неопределенности все распространяется и вбирает в себя все новые значения, то определенный член узнается большею частью лишь из противопоставления неопределенному. Понятие совершенного вида, которое зарождается внутри категории определенности, было уже, чем понятие определенности, оно с ним полностью не совпадало, поэтому следы аориста (формы определенного вида) до сих пор находят в языках, утративших простые прошедшие времена⁵⁹, и понятие определенности легче вскрыть в современных формах, чем понятие неопределенности. Оно не растворилось полностью в совершенном виде.

Совершенный вид оформился окончательно только тогда, когда оформился несовершенный. До того существовали представления о результате действия, о его начале, о его конце и даже понятие о действии, как о чем-то целом. Но все это были отдельные оттенки глагольных значений, существующие во всех индоевропейских языках, и только когда несовершенный вид сформировался, все эти оттенки, противопоставлявшиеся несовершенному виду, слились в одно понятие совершенности. При этом,

⁵⁸ См. Ф. Ф. Фортунатов, Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. I, «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 году», СПб., 1897, стр. 108—109.

⁵⁹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 550—551.

если в корреляции определенности-неопределенности активным членом был член неопределенный, то в корреляции совершенности-несовершенности активным членом становится член совершенный.

Итак, от понятия неопределенности к понятию несовершенности — таков путь развития славянских видов. Доказательством этого служит система глагольного словообразования, имеющая наиболее широкие возможности создания все новых и новых неопределенных глаголов. Глагольное словообразование не является чем-то новым в славянских языках, связанным специально с образованием видовой системы. Оно — значительно более древнее средство для различения глаголов состояния и глаголов действия, глаголов определенных и неопределенных. Суффиксы *-ь-* из *ē* и *-a-* из *ā*, служащие главными способами образования производных неопределенных глаголов, восходят к индоевропейским суффиксам состояния, так как суффиксы имперфекта *-ь-* и *-a-* по своему происхождению — это суффиксы состояния. Все развивающийся процесс глагольного словообразования приводит, как мы уже говорили, к возможности образования от каждого определенного глагола неопределенного, т. е. приводит к раздвоению глагольного понятия, к вырождению старой системы определенности-неопределенности и к развиту новых видовых отношений.

Характерно, что на почве отдельных славянских языков развитая система глагольного словообразования продолжает действовать как бы самостоятельно, вне связи с новой категорией вида. Об этом свидетельствуют такие явления, как, например, чрезвычайная распространенность суффикса *-ыва-* в русском языке. Этот суффикс соединяется с глаголами не только совершенного вида, но и несовершенного, как *читывать*, *сиживать*, *игрывать* и т. д., т. е. производные глаголы образуются не только от глаголов совершенного вида, но и от несовершенных. Уже одно это свидетельствует о том, что данный продуктивный суффикс не был создан для образования несовершенных глаголов от совершенных. Его роль была иная. Повидимому, он служил для образования неопределенных глаголов от определенных, причем раз начавшийся процесс образования этих глаголов не мог остановиться даже и тогда, когда сама категория определенности-неопределенности переродилась в категорию совершенного-несовершенного видов. Повидимому, значение давнопрошедшего времени, которое получили глаголы с этим суффиксом еще в XV в.⁶⁰, в какой-то степени связано со старым значением неопределенности, уже забытым и видоизменившимся в сознании говорящих.

Аналогичную картину имеем мы и в других славянских языках. Так, в западнославянских языках, особенно в чешском, очень продуктивным становится суффикс *-ava-*: *nosim — nosivām — nosivāvām*; *lehām — lehāvām — lehāvāvām*. По виду между этими основами нет различия, все это глаголы несовершенного вида. Оттенки значений, которые они получают, также до некоторой степени указывают на старое значение неопределенности. Это значение нерегулярной повторяемости действия, давнопрошедшего времени и т. д.⁶¹

В южнославянских языках суффикс *-ва-* как будто полностью служит для образования несовершенных глаголов от совершенных. Однако в болгарском языке есть глаголы, полученные от сочетания этого суффикса с несовершенной основой. Это глаголы типа *писвам*, *пушвам*, *плетвам*

⁶⁰ См. А. А. Шахматов, Исследование о двинских грамотах XV в., ч. 1, СПб., 1903, стр. 133.

⁶¹ См. Fr. Trautnitschek, Mluvnice spisovné češtiny, Skladba, d. II, Praha, 1949, стр. 697.

и т. д. Они получили значение так называемого наклонения пассивной готовности, эвентуалиса, т. е. обозначают действие потенциально возможное. Это также, повидимому, вырождение старой категории неопределенности.

Но несмотря на употребительность суффикса *-ва-* и его разновидностей (*-ава-*, *-ыва-*, *-ова-*), во всех славянских языках проходит один и тот же процесс: продуктивным этот суффикс остается только там, где он служит для образования несовершенных глаголов от совершенных. Образование его от несовершенных глаголов уже не продуктивно. Так, в русском языке формы давнопрошедшего на *-ыва-* уже в половине XIX в. начинают употребляться все реже⁶². Формы пассивной готовности почти не встречаются в болгарском литературном языке⁶³.

Процесс развития новых видовых отношений происходит по обычным законам материалистической диалектики. Всякое языковое явление, будучи внутренне противоречивым, содержит в себе собственное отрицание. Так, внутри старых видовых отношений зарождаются новые, которые побеждают в длительной борьбе нового со старым. Но, в отличие от истории природы и общества, «...переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»⁶⁴.

⁶² См. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 547.

⁶³ См. Л. Андрейчин, Основна българска граматика, София, 1944, стр. 308.

⁶⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 28.